

ПЕРСОНА

Действие картины происходит в интернате для слепоглухонемых детей, где все живит надеждой — на любовь, на счастье. И финал ее чеховский: герой — молодой врач в исполнении Андрея Кузичева — отказывается от любви, карьеры, потому что не может бросить привязавшегося к нему больного мальчика. На недавно прошедшем в Москве Втором фестивале отечественного кино “Московская премьера”, одним из организаторов которого была наша газета, “МК” вручил Роману Балаяну спецприз “За дерзость тихого замысла в эпоху громких потрясений”.

— **Откуда в эпоху громких потрясений у вас появилась дерзость тихого замысла?**

— Не знаю. Это мой характер: я никогда не вписываюсь. А что, “Полеты” тогда вписались в структуру кинематографа?.. Наверное, “Ночь светла” появилась оттого, что я последние лет шесть стал оглядываться по сторонам и видеть, как живут люди. И, увидев, заметил в себе — я не хватаюсь — много сострадания. Уж слишком — похоже на сентиментальность. Я подаю всем, без различия.

— **А что, вы до этого были жестким человеком?**

— Скорее менее состоятельным. Когда я прочел рассказ Жюль Верна “Эксперимент” о слепоглухонемых детях, по которому снята “Ночь светла”, то он сразу лег на мое состояние... Почему я снял “Полеты”, когда до того не работал пять с половиной лет? Я не работал, потому что не хотел того, что предлагали, а чего сам хотел, не давали. И во мне накопилась такая желчь... “Полеты” появились, чтобы выдать из себя эту желчь. Поэтому и вызвало интерес — получились настолько откровенно, почти похоже на мою жизнь...

— **Врач, которого играет в “Ночь светла” Андрей Кузичев, не уехал из интерната из-за одного ребенка, который его полюбил. Но если б он поступил в аспирантуру и опубликовал свою методику социальной адаптации слепоглухонемых детей, это могло бы повлиять на жизни многих детей.**

— Вы знаете, в жизни может быть иначе. Я надеюсь, хотя бы миллион человек да посмотрит наш фильм, и у каждого найдется один ребенок, которому надо помочь.

Я тоже очень многое отрезал от себя в жизни. Я шел, обрывая свою биографию и карьеру. Но последние шесть лет я свое его подзабыл.

— **Тяжело?**

— Нет, бывает даже приятно: гладить себя по голове за то, что живешь по заповедям. Хотя я считаю, художник должен быть безумным эгоистом, каким я был в молодости: жуткий эгоист — сначала кино, потом мама, потом все остальные. Так я жил до “Полетов”. Их я снимал уже как человек, который успел невзлюбить кинематограф. С 79-го года мне жизнь гораздо слаще и интереснее, чем искусство, которое я предлагаю. Это не значит, что я не хотел больше кино снимать. И “Полеты” я хотел снимать, и следом “Поцелуй”, который художественно гораздо интереснее, и “Храни меня, мой талисман”. Но сама жизнь для меня стала важнее — общение и созерцание.

Я, конечно, не имею в виду пустое времяпрепровождение — например, у телевизора. Я не могу смотреть по телевизору хотя бы три минуты что-то одно. Только новости и черный бокс. Политикой мало интересуюсь. Правда, когда кто-то заведет разговор, начинаю активно участвовать, но потом мне стыдно становится. Потому что зря время потерял. Я же понимаю, что это ничего не решает. И если б вы у меня спросили что-нибудь про внутреннюю политику России, я бы не стал отвечать, отговарываясь, что я гражданин Украины. Хотя могу сказать, что политика России по отношению к Украине очень неправильная и недалевидная. Это я даже попрошу напечатать. Я думаю, что Украина — самый важный стратегический партнер России, но не в том варианте, в каком ей предлагает Россия.

Мужчина в кинематографе — явление редкое. В нашем — тем более. Нет, я имею в виду не пальто податы и не первичные половые признаки. Мужчина — это не набор устоявшихся стереотипов. Мужчина знает, что делает и зачем. И конечно, он не лишен самоиронии.

Режиссер Роман Балаян ироничен и лишен пафоса. Он всегда делает то, что хочет. Он увлекается классикой — фильмы “Бирюк” и “Первая любовь” он снял по Тургеневу, “Поцелуй” — по Чехову, “Леди Макбет Мценского уезда” — соответственно, по мотивам Лескова. И он как никто улавливает атмосферу, в которой мы живем. В 80-е это была картина “Полеты во сне и наяву”, после которой сразу стало понятно, что появился герой нашего времени — Олег Янковский. Сейчас он снял портрет нынешнего безвременья — фильм “Ночь светла”, премьера которого пройдет сегодня в кинотеатре “Ролан”.

Роман БАЛАЯН:
“Я сказал
Абдулову:
“Ты будешь
сниматься,
но другом
не будешь”

ГОРЕШ

— **Вы как-то говорили, что любили в молодости и подрались. За что вы ввязывались?**
 — Я дрался, как человек, спустившийся с гор. Не мог воспринимать: идешь с девушкой или с мамой, а кто-то рядом ругается матом. Я почему-то считал, что надо это немедленно прекратить. Не значит, что я всегда выходил победителем, да мне было и не важно. Но я успевал один раз врать. Ведь главное перед дуэлью дать пощечину или успеть первым бросить перчатку. Я всегда вмешивался, но их, конечно, было больше — ведь один человек сам с собой гадости говорить не будет. А с годами это прошло, может, и хорошо, потому что не такой уже ловкий.

— **В кино вы мат тоже не переносите?**
 — Говорят, мол, без мата на жизнь не похоже. Ну и не надо, чтоб было похоже. Зачем нам эта жизнь? Случается, у актера выскакивает...
 — **И вы сразу по губам?**
 — Просто говорю: “Стоп, я в это не играю”. И спрашиваю: “Вот ты хотел бы, чтобы твоя двенадцатилетняя дочь это слушала?” Некоторые заявляют, что да. Но они врут.

— **На площадке вы жесткий?**
 — Если б был жестким, стал бы замечательным режиссером. Я очень мягкий. Жесткие добиваются того, чего хотят, не глядя ни на кого. Я же все время думаю: а если кто-то обидится?.. Режиссер, я считаю, не моя профессия. Вообще это бабская профессия.

— **Неожиданное заявление. И почему же?**
 — Бабская — не в смысле пола. Все мы знаем замечательных женщин-режиссеров: Киру Муратову, Ларису Шепитко, Динару Асанову. Я о другом. Мне кажется, это в женском характере: жесткость, жестокость. Поступки женщины более тверды, потому что она думает не только головой. А во мне, наверное, слишком много горной породы, еще такой — неотшлифованной. (Смеется.)

— **Я слишком хорошо отношусь к людям, чтобы быть в искусстве очень интересным для себя. В жизни же я могу: если увижу какое-то хамство, сразу отвечу. Но, конечно, не за столом.**

— **А вы любите застолье?**

— Да, к сожалению, только за этим время и провозу. На Кавказе праздное время — значит, застолье. Мы этот обычай удачно перенесли и в Россию, и на Украину. Что может быть лучше встречи с друзьями за одним столом? Мы кутим, а не пьянствуем.

— **Не скушаете по родине?**

— Езжу два раза в год. Нагуливаюсь, и обратно. Из родных, правда, там живут только дети моего брата. Я родом из Карабаха — из друзей детства там почти никого не осталось. А студенческая юность прошла в Ереване, туда я чаще и езжу. Кавказские встречи отличаются от всех других встреч. Не потому, что мы много руками размахиваем. Хотя в том числе и это. Но у нас какая-то другая сердечность, ирония — другая вода, в которой ты барахтаешься. И естественно, на Украине возникает чувство ностальгии именно по этому. Ну и по ландшафтам, конечно...

Знаете, я во время учебы в Ереване всегда жил не скучно, а ярко. Я все время был на грани исключения из института. Я выпрыгивал с третьего этажа во время лекции и выходил через окно, спускаясь по дереву. Участвовал в драках, попойках.

— **А на Украину вы попали, потому что там работал Параджанов?**

— Я сначала поступил в Ереванский театральный институт на актерское отделение. Председатель Союза кинематографистов Армении Кеворков обещал перевести меня во ВГИК. Я был уже на третьем курсе, когда летом в горах, на Арагаце, начал снимать фильм мой будущий учитель Тимофей Левчук. У приезжих актеров на высоте носом шла кровь. Тогда набрали дублеров из нашего института. Мой затылок тоже подошел. Тимофей Васильевич рассказал, что ведет кинорежиссерский курс в Киеве. Спустившись с гор, как говорится, я подумал: какая разница, где учиться? И поехал в Киев. Потом, по окончании, хотел в Ереван вернуться, но мне сказали: на студии нет места. Теперь вот говорят: почему Балаян не хочет снимать в Армении?..

У Параджанова же я не учился, но часто его видел. Конечно, находился под его влиянием — он давил, потому что был невероятно талантлив. Особенно после “Теней забытых предков” это чувствовалось. Он импровизировал на ходу, и ты даже не успевал реагировать. Но я единственный из поклонников Параджанова не последовал его методу.

— **Что такое кино Балаяна?**

— К сожалению, это нечто замедленное и созерцательное, в чем нет активного вмешательства персонажей в жизнь других людей. Это ведет за собой малое число зрителей, потому что немногие таких, кто это принимает.

— **Ваш отец погиб на фронте в 41-м, едва вы родились. Кто в вас воспитывал мужчину?**

— На всех детских фотографиях я очень задумчивый и грустный мальчик. Но все село меня любило, потому что я первый стал сиротой. Все меня пытались накормить, погладить по голове.

— **Но вы не выросли маменькиным сыночком?**

— Я стал маменькиным сыночком позже — был сознательным иждивенцем до 32 лет. Почти не работал, дожидаясь, когда я буду снимать кино. Родители присылали деньги — отчим, мама, теща, тесть. Жена работала, преподавала по классу фортепиано.

А характер — это от гор, где вопросы чести, собственного достоинства, справедливости впитываются с молоком матери.

В самые бедные годы — с 69-го по 93-й — никто, кроме моей семьи, не знал, что я бедствую. Я всегда жил в долг. И всегда возвращал. И все фильмы снимал в долг. Моя мама говорила: “Если в кармане рубль, ты должен выглядеть, как будто у тебя сто”. И я исправно это показывал, умудряясь всегда быть в долгу. Один раз в жизни я вернул не в срок, а чуть позже: мой сын уехал в 91-м во Францию учиться, и я занял три тысячи долларов для него.

Сейчас у меня продюсерская фирма в Киеве, и я вернул сына из-за границы — пытаюсь его к делу привлечь. Мы снимаем сериалы для россий-

ских каналов. Скоро выйдет мелодрама Кристофовича “Я тебя люблю” с Машей Шукшиной в главной роли и Сашей Абдуловым.

— **Вы говорили, что не можете работать с людьми, которые вам не близки, что для вас это важнее, чем профессиональная польза, которую может принести актер.**

— Я беру, конечно, только профессионалов. Но если человек мне не близок, я не позволю его. Я никогда не снимал артистов-пьяниц, хотя уважал их как актеров. Я не могу вот этого видеть, когда человек не соображает. Я себя ограждаю. У меня есть это право. Я режиссер, видите ли, фильмов. (Улыбается.) Может, пьяница и интереснее, и лучше, чем тот, которого я взял. И может, с ним все получилось бы, если б я надавил. Но я не давяю, наоборот, всегда приближаю к себе. У меня и кино бесконфликтное. Нет плохих людей ни в одной картине. Есть, что человек утрон такой, а вечером уже другой, но все равно он хороший.

— **Вы друзьям многое прощаете?**

— Слишком даже. Я иногда переживаю, что обида, а потом понимаю: человек этого уже не помнит.

— **То есть друг-актер может опаздывать на площадку или не учить реплик?**

— Нет. У меня только один артист попытался опаздывать — Абдулов на фильме “Поцелуй”. На третий раз я сказал: “Саша, ты, конечно, уже три дня снимался, поэтому я не могу тебя заменить. Но обычно актеры, которые у меня снимаются, потом становятся моими друзьями. Ты будешь и дальше сниматься, но другом не будешь”. На следующий день приезжаем на съемку, а на площадке уже “жигуль”, а под ним его ноги. Он приехал аж в шесть утра.

...Сидели мы однажды с Янковским и Абдуловым. Олег говорит: “Ну сними какой-нибудь детектив, я буду играть вора, а Сашка — следователя”. А Абдулов: “Нет, я — вора, а Олег — следователя”. Тогда я их успокоил: “Я обязательно сделаю следственные эксперименты, где следователю тоже дам поиграть в вора”.

— **Скоро съезд Союза кинематографистов России, где будут серьезные вопросы решаться: останется ли, скажем, Михалков на посту председателя. Многие недовольны им, ожидается скандал. Вы пойдете?**

— Я не могу там быть. Михалков — мой товарищ. Я все знаю. Всю ситуацию. Не участвую.

— **Значит, истина вам не дорога?**

— У меня своя истина. Дружба — это всепрощение. Как с собственным ребенком, может, даже больше. Это не значит, что я не знаю правды, но я не убежден, что надо участвовать. Я очень люблю и Рустама Ибрагимбекова, и Никиту Михалкова и знаю об их конфликте, но это не влияет на мое к ним отношение.

— **А Анну Михалкову вы взяли на главную роль в фильме “Первая любовь” из-за папы?**

— Как-то один мой товарищ, очень умный человек, так и сказал: “Он ее взял, чтобы ублажить Никиту”. Да мне не надо его ублажать. Я взял Анну, потому что она всегда хотела у меня сниматься. Она говорила: “Папа не разрешает мне, но говорит: если б Балаян позвал, тогда позвонил”. И я, будучи сентиментальным, выбрал ее. Правда, не все гладко вышло. Она почувствовала сомнение одного человека на площадке в ее внешности и как-то замкнулась. И мне пришлось из этого ее с трудом выводить. Но она очень толковая. Я думаю, она бы и режиссером была замечательным, не только актрисой.

— **И как вы ее расшевелили?**

— Как ребенка отвлекаешь от плача? Сочиняешь что-нибудь: ой, смотри, птичка полетела. Как собаку отвлекаешь, когда она хочет что-то сделать, не то? Говоришь: смотри, кто идет! Так и с актрисами: не успокаивать, а отвлекать.

— **В вашем новом фильме “Ночь светла” произошло столкновение на одной площадке молодых и рьяных: Алексея Панина, Ольги Сутиловой, Андрея Кузичева — и представителей старой советской школы: Ирины Купченко, Владимира Гостюхина, — у которых, как известно, нелегкие характеры. Конфликтов много было?**

— Никаких. Актёров надо доводить до того, чтобы они чувствовали, будто они в детсаду, а я их воспитатель и они меня любят. Это делается не назидательно и не насильственно. У каждого режиссера свой способ гипноза. Я стараюсь все время создавать обстановку легкомыслия, легкомудрия, необязательности.

— **Женщины в фильме “Ночь светла” у вас несчастны: и молодая циничная практикантка, которую играет Ольга Сутилова, и директор интерната слепоглухонемых Ирина Купченко. Почему?**

— То, что играет Сутилова, мне кажется, образцом свободного человека и свободы выбора. Она не цинична. Она слишком реальна, ближе к жизни — сейчас таких много. А таких, как героиня Иры Купченко, вокруг мало. Хотя обделенных любовью, как она, много. У нее нет выбора. Можно в селе парню влюбиться в семнадцатилетнюю девочку, а потом пойти в армию и, вернувшись, удивиться: как я мог? В селе нет выбора. Может, это и хорошо, потому что в селах люди и живут подолгу. У героини Купченко нет выбора. Ее любит герой Леши Панина, но он не вписывается в ее систему чувственных и интеллектуальных понятий. А тому, кого играет Андрей Кузичев, она стесняется признаться. И она думает: вправе ли она посягать на его молодость, красоту?

— **Сутилова у вас появляется в кадре первый раз сразу обнаженная — загорает. Как вы уговорили ее раздеться?**

— Она достаточно критично относится к своей фигуре, и мы привели сначала дублершу. Но оказалось, и фигура совсем другая, да еще белые места на теле выделяются. А она же по роли — нудистка, которая в купальнике не загорает. И Ольга уже сама предложила: “Давайте все-таки я попробую”.

— **А зачем вам вообще это было надо?**

— Я уже слышал про себя: мол, Балаян решил снять в своем замедленном кино голую женщину, чтобы угодить зрителю. (Смеется.) Я все думал, как оправдать эту роль. И придумал, что она нудистка, для которой общепринятые критерии не важны. Она же хочет поставить эксперимент: как слепоглухонемые реагируют на любовь. Она не так уж сильно хочет этих детей свести, сколько просто не понимает, почему этого нельзя делать. И свою любовь теряет тоже.

— **То есть в праве на любовь вы отказываете и эманированной деловой девице, и молодой женщине с трудной судьбой?**

— Да, тут я иду по жизни, как ни странно. У Рустама Ибрагимбекова в сценарии немного по-другому, но я, к сожалению, много импровизировал — и слова менял, и положения, и ситуации. И в монтаже уже понял, что тему любви не до конца продумал и тут же увлекся больше второй темой. Тем более я из-за слепоглухонемых и хотел снимать. А не из-за того, что директриса влюбилась в воспитателя, а тот — в приезжую практикантку.

— **А импровизации откуда рождаются: из ваших ощущений, из настроений актера?**

— И так, и так. Я вообще всегда свободно меняю слова или даже смысл сцены. Или вместо одной сцены тут же придумываю другую. В “Полетах” я импровизировал весь фильм. Самым кардинальным образом изменил финал — помните, Янковский бросается в воду, потом прячется за деревом, всех обманывая, бежит за детьми и падает в стог. Так вот в сценарии было по-другому. Но мы как-то ехали на съемку, и я увидел эти стога, остановил всю бригаду и сказал: “Сейчас мы снимем финал картины”. Оператор запротестовал, потому что у него не было с собой дымовых шашек, чтобы пространство закрыть. Но я понял, что нельзя оттягивать, и сказал Олегу: “Бежишь и падаешь в стог. И, не поднимая головы, стаскиваешь на себя сено, зарываешься с головой”. Он говорит: “Зачем?” Я: “Не спрашивай, давай тащи”. Он упал, закопался и потом уже оттуда как закричит: “Класс, потрясающе!” Я: “Стоп, снято!” Он выскакивает из стога и начинает носиться по полю как сумасшедший: “Канны, блин! Канны!” И мы поняли, что финал сделали.

Елена АРДАБАЦКАЯ.